

ПРОЛОГ,

который уместнее было бы назвать эпилогом

Князя убивали долго, и смерть его оказалась ужасной. Заговорщики, числом двадцать человек, двинулись к княжеской опочивальне под покровом ночи. Но страх и трепет не покидали их. Ночи летом коротки, времени у заговорщиков было в обрез, и всё же они, не сговариваясь, свернули по пути к княжеской медуше, где хранились хмельные мёды и заморские вина. Вино прибавляет силы и дарит храбрость, хмель ударяет в голову — а того и надо было людям, решившимся на такое неслыханное преступление. «И тако, упившеся вином, поидоша на сени», — записывал позднее киевский летописец. О том, где стояла стража и кто из ратников нёс службу той ночью, заговорщики были осведомлены отлично. Да и стражники не забыли тревогу, увидев приближавшихся к ним людей, — все они были им хорошо известны и подозрений не вызывали. А зря! Ибо те несколько человек, что были выставлены у дверей, ведущих к княжеской опочивальне, погибли первыми. Два-три удара мечом решили исход этой короткой схватки. Настолько короткой, что стражники не успели даже вскрикнуть, позвать на помощь. В «ложнице» — так называлось помещение внутри замка, предназначенное для сна, — князь был один. Он крепко спал. В передней комнате отдыхал его ближний слуга, парубок Прокопий. Заговорщики схватили Прокопия сонным, придушив

его так, чтобы он не смог вымолвить ни слова. Один из заговорщиков подошёл к двери и тихонько постучал в неё:

— Господине, господине!..

— Кто там? — спросил князь спросонок.

— Прокопий, — тоненьким голосом, искусно подделываясь под парубка, произнёс убийца.

— О нет, паробче, то не Прокопий!.. — отвечал князь, распознав обман.

Надежды на то, что князь сам отомкнёт засов, не осталось. Убийцы набросились на дверь, начали выламывать её, крушить мечами. Князь вскочил, потянулся к висевшим на стене ножам, но те были пусты — накануне вечером один из заговорщиков, чужеземец Анбал, выкрал меч, оставив князя безоружным. А ведь то был не простой меч! Князь привёз его из Вышгорода и берёт как зеницу ока — меч тот некогда принадлежал его сроднику, святому князю Борису, которого почитала небесным заступником вся Русская земля, а прежде всех — княжеская семья, его родичи. Но и святой Борис не мог помочь князю — ведь тот не сберёт его меч, великую святыню. И расплачиваться за это небрежение приходилось теперь самой жизнью...

Тем временем дверь поддалась, затрещала и рухнула внутрь опочивальни. Сквозь тесный дверной проём протиснулись двое убийц, первыми кинувшиеся на князя. Одного из них князь подмял под себя, со вторым схватился насмерть. Свечной огарок потух от резкого порыва воздуха, и в наступившей тьме трудно было различить лица, понять, кто с кем борется. Сдавленные крики, стон раненого, оказавшегося на полу, и сопение борющихся людей — вот что услышали те, кто ворвался в комнату следом. Один из убийц споткнулся о раненого, лежавшего на полу, и, думая, что это князь, прикончил его ударом меча. Но драка продолжалась. Кто-то принёс светильник. Князь защищался, как мог. Обернув левую руку плащом, он действовал ею, словно щитом, не чувствуя боли. Опытный воин, он находил возможность сражаться сразу со всеми — пользуясь теснотой, скученностью тел, хватаясь для защиты от нападавших за всё, что попадало под руку.

— О горе вам, нечестивые! — кричал он, уворачиваясь от ударов. — Бог отомстит вам за мой хлеб!

Но силы были слишком неравными. Град страшных ударов свалил князя. Его левая рука была изрублена, голова насквозь рассечена мечом. Бездыханным князь пал наземь.

Думая, что он мёртв, убийцы взяли своего погибшего товарища и выбрались наружу. Но князь очнулся. В оторопи он выполз за ними, с трудом приподнялся на ноги. Ужасная боль пронизывала всё тело, из груди исторгались хрипы и рыгание, его рвало и мутило. Весь в крови, он спустился по лестнице вниз и укрылся за лестничным столбом. Но кто-то из убийц услышал шум, кто-то увидел в окне тень князя. Все гурьбой поспешили обратно. Князя на месте не было, и это привело злодеев в неописуемый ужас.

— Уже погибли! — восклицали они, дрожа от страха. — Если князь выберется живым, то никому из нас пощады не будет, всех казнит! Ищите его! Ищите!

Вновь зажгли свечи. Кровавый след вёл к лестнице и далее вниз, в подклеть. Князь сидел за восходным столпом, то есть за лестницей, и так молился из глубины сердца своего:

«Аще, Господи, суждено мне принять конец, то принимаю его. Аще и согрешил много, Господи, и заповеди Твои не сохранил, но ведаю, яко милостив еси... Господи, пусть и совершил я при жизни немало злого, но даруй мне отпущение грехов и сподоби мя, Господи, недостойного, принять конец сей, как принимали его святые мужи, ибо такие страдания и смерть такая выпадают святым мученикам Твоим...»

И когда он молился так, набросились на него окаянные убийцы. Один из них ударом меча почти напрочь отсёк руку князя, а другие пронзили тело его саблями и копьями.

— Господи, в руки Твои предаю свою душу, — успел прошептать князь, прощаясь с жизнью...

Так в ночь на 29 июня 1174 года, в субботу, в канун дня святых и всехвальных апостолов Петра и Павла, в княжеском замке града Боголюбова, в собственных покоях был убит князь Андрей Юрьевич, прозванный Боголюбским¹. Событие это потрясло Русь. Но не меньше, а быть может, даже больше, чем само убийство, потрясает то, что случилось вслед за ним.

...Обезображенное и нагое тело Андрея было вывлочено в «огород» — некое огороженное место на задворках княжеского

дворца — и брошено там на потраву псам и добычу вóронам. Одежды с князя были сорваны. Хоронить его никто не собирався. Больше того, когда на следующий день один из преданных князю людей, некий Кузьмище Киянин (то есть киевлянин родом), стал искать тело своего господина, ему пригрозили:

— Не смей трогать его! Так решили люди: хотим кинуть его псам на съедение! Если же кто прикоснётся к нему — тот нам враг. Убьём того!

Кузьма всё же сумел прикрыть нагое тело и, завернув его в ковёр, понёс в церковь. Но и церковь была заперта. Служители её — те самые, кому князь сделал при жизни столько добра и о которых так заботился, — не пожелали отомкнуть церковные двери и не разрешили положить тело в храм. Подобно большинству других жителей Боголюбова, они попросту перепились, ибо княжеская медуша, отворённая теперь для всех, манила их куда больше, чем алтарь собственного храма. Кузьма оставил тело в церковном притворе, и здесь пролежало оно несколько дней, пока наконец игумен Арсений не совершил погребальную службу и не вложил тело в каменную гробницу...

В городе же творилось невообразимое. Все словно обезумели. Казалось, что смерть князя освободила людей не только от его власти, но и от любых человеческих законов, от любых нравственных норм. Всеми овладела единственная страсть — к убийству и грабежу.

Грабили всё и у всех. Ещё в самую ночь убийства разгромлены были княжеские палаты. На следующее утро и в течение ближайших двух или трёх дней толпа громила всё, что попадало ей под руку. Из княжеского дворца выносили то, что не успели вытащить или чем побрезговали убийцы. Грабили дома княжеских «делателей» — мастеров, приглашённых князем для украшения храмов и палат во Владимире, Боголюбове и других городах, — ювелиров, резчиков по камню и прочих. Здесь, в Боголюбове, по соседству с князем, жили и свои, владимирцы и суздальцы, и выходцы из других русских земель, и иноземцы — но различий между ними не делали, не щадили ни тех, ни других, ни третьих. Громили дома посадников и тиунов — управляющих князя, княжеских слуг и «мечников» — судий; этих ненавидели люто — за творимые беззакония, а потому

надеяться на пощаду им не приходилось. Грабили любого, кто казался побогаче и почестнее. Мужчин и женщин равно вытряхивали из одежд, срывали с них украшения, а самих убивали; женщин прежде насиловали. И было так не в одном Боголюбове, но по всей округе и даже в стольном Владимире. И лишь на пятый или шестой день владимирские священники, выйдя с крестами и хоругвями на улицы города, сумели остановить всеобщее безумие...

Так страшно заканчивалось княжение Андрея Боголюбского. Так заканчивалась одна из самых великих эпох в истории Северо-Восточной Руси — время всеобщего подъёма, время процветания, когда по всему княжеству строились величественные белокаменные храмы, и сегодня поражающие наше воображение, когда создавались многие признанные шедевры древнерусской иконописи и литературы, когда затерянный в лесах Владимир на Клязьме превращался в новую столицу Руси, соперничавшую великолепием с древним Киевом, «матерью городам русским»... Но великие, или переломные, как их ещё называют, эпохи имеют обыкновение плохо отражаться на судьбах своих творцов. Мало кому из последних суждена бывает по-настоящему счастливая жизнь. А вместе с ними мучиться и страдать, гибнуть в многочисленных войнах или бессмысленных смутах приходится тысячам и тысячам подвластных им людей...

*...Чем эпоха интересней для историка,
Тем она для современника печальней.*

Так написал поэт о веке двадцатом*. Но слова его потому и стали крылатыми, что подходят почти к любой эпохе. Вот и время княжения Андрея Боголюбского они словно бы подразумевают и вполне могли бы стать эпиграфом к рассказу о нём.

Почему же случилось такое? Почему столь чудовищная смерть и посмертное поругание выпали на долю одного из самых выдающихся правителей в истории Русского средневековья?

* Николай Иванович Глазков (1919–1979).

Не будем спешить с ответами. К тому же признаемся сразу: однозначных и чётких, а тем более устраивающих всех ответов на эти вопросы мы всё равно так и не сумеем отыскать. В этой страшной развязке сокрыт извечный парадокс истории. И здесь же — одна из главных загадок в личности самого князя Андрея Юрьевича. Кем он был на самом деле? Кем вошёл в историю России? Устроителем и собирателем Руси, предтечей будущих русских самодержцев, великих князей и царей московских, как полагали московские книжники XV–XVI веков, а вслед за ними и многие историки? Ревнителем православной веры, с юности думавшим о Божественном больше, нежели о земном, и подчинившим всю свою жизнь служению Богу и торжеству Православия, каковым и по сей день почитают его, причтённого к лику святых, воцерковлённые люди? Или тираном и деспотом, гордецом и властолюбцем, готовым на всё ради достижения единственной цели — установления собственной власти? Ведь и такой взгляд на княжение Андрея Боголюбского присутствует в трудах историков, а отчасти и в свидетельствах современников. Или, как это обыкновенно бывает, в личности князя соединилось всё вместе: и первое, и второе, и третье? А может быть, и ещё многое другое?

О князе Андрее Юрьевиче написано немало, личность его давно привлекает к себе внимание историков². И у каждого автора — свой Боголюбский, а значит, и свои ответы на те вопросы, что обозначены выше.

Так нужна ли ещё одна книга о нём?

И на этот вопрос трудно дать однозначный ответ — тем более мне, её автору. Наверное, всё-таки нужна. Хотя бы потому, что не установленными до сих пор остаются очень многие факты биографии князя, очень многие обстоятельства его жизни и политической деятельности, в том числе и такие факты и такие обстоятельства, которые имеют первостепенное значение и, можно сказать, определяют наши представления о нём.

Вот самый простой пример. Неизвестно даже приблизительное время его появления на свет. Обычно пишут, что князь родился около 1111 года. Между тем *первое* его упоминание в источниках относится лишь к 1147 году. Получается, что князь

впервые становится хоть как-то заметен для летописцев, впервые начинает участвовать в сражениях — причём пока что находясь на вторых ролях — в возрасте, который для древней Руси можно назвать едва ли не преклонным! Но так ли это? И вправе ли мы доверять тем — якобы точным — сведениям, что приводятся в книгах о нём?

И таких примеров множество. Чуть ли не каждый шаг Боголюбского может быть поставлен под сомнение, чуть ли не каждое свидетельство о нём вызывает оживлённую дискуссию среди историков. А ведь именно князь Андрей Юрьевич был тем человеком, который, по существу, создал самостоятельное Владимирское княжество — политическое ядро будущей Великороссии, иными словами — ядро современной России. А потому всё, что он делал, можно сказать, каждый его шаг в роли владимирского князя оказали существенное влияние на ход нашей истории и заслуживают самого пристального внимания.

В сущности, мы знаем о князе ничтожно мало. Но даже то немногое, что сообщают о нём источники, всякий раз требует тщательной и кропотливой проверки, далеко не всегда и не во всём осуществлённой. И прежде чем предлагать то или иное толкование событий, связанных с его княжением, следует разобраться в том, что именно и из каких источников нам известно, какова степень достоверности этих источников, каково происхождение каждого из них, как они соотносятся друг с другом, чем объяснить противоречия между различными версиями одних и тех же событий (а они неизменно присутствуют в разных летописях) и т. д. Даже простая сводка этих известий, даже простой обзор тех источников, из которых можно почерпнуть что-то значимое для биографии князя, надо признать делом по крайней мере небесполезным. И именно такую задачу — свести воедино всё, что мы знаем о князе, — я прежде всего и ставил перед собой. В этом смысле книга об Андрее Боголюбском продолжает предыдущие мои книги о правителях древней Руси, начиная с княгини Ольги и князя Владимира Святого, чьи биографии выходили ранее в серии «Жизнь замечательных людей».

Не мне судить о том, насколько сумел я приблизиться к решению этой задачи. Но выпуская биографию в свет, я всё же

надеюсь, что по её прочтении у читателя сложится свой образ этого непростого и во многом противоречивого человека, а может быть, появится повод поразмыслить и над теми парадоксами и кажущимися закономерностями исторического процесса, которые столь зримо и грубо вторгаются в нашу жизнь даже тогда, когда мы совсем не ожидаем этого.

2014 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КНЯЖИЧ

1120-е – 1155

Молодые годы

В первый раз имя князя Андрея Юрьевича появляется в летописи в связи с событиями начала 1147 года, когда он вместе со старшим братом Ростиславом был послан отцом в поход на Рязань. К тому времени Андрей был уже человеком вполне сложившимся, взрослым. В дальнейшем летописцы всё чаще и чаще будут вспоминать о нём. Но вот о детстве и юности нашего героя, о его становлении как личности ни из летописей, ни из других ранних источников нам ровным счётом ничего неизвестно. А потому и глава, посвящённая этому важнейшему отрезку в его жизни, по неизбежности оказывается куцей и не слишком информативной.

Это неудивительно. Ростово-Суздальская земля, которой правил отец Андрея князь Юрий Владимирович Долгорукий, считалась захолустьем, «залесьем», далёкой северо-восточной окраиной Руси, и то, что происходило здесь, не слишком волновало летописцев, трудившихся в стольном Киеве и близких к нему центрах — Вышгороде, Чернигове, Переяславле — или в Великом Новгороде. Своё же собственное летописание если и велось в то время в Ростове и Суздале, то до нашего времени, к сожалению, не сохранилось или сохранилось лишь фрагментарно, в виде отрывков, случайных вкраплений в более поздний летописный текст — времён киевского княжения Юрия Долгорукого или владимирского — самого

Андрея и его младшего брата Всеволода. Не только Андрей, но и большинство его братьев впервые упоминаются на страницах летописи в связи с событиями, происходившими вне границ Суздальской земли.

Андрей был вторым или третьим сыном Юрия Долгорукого. Его старший брат Ростислав упоминается в источниках с 1138 года, когда он был посажен отцом на княжение в Новгород; следующий, Иван, — с 1146-го: осенью этого года он был послан отцом в помощь его союзнику, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, и получил от того в удел город Курск и «Посемье» (земли по реке Сейм, притоку Десны). Судя по этому сообщению, Иван был старше Андрея, вопреки позднейшим росписям сыновей Юрия Долгорукого, которые ставят Андрея на второе место, а Ивана — на третье. Но оба старших Юрьевича умерли ещё при жизни отца: Иван — в феврале 1147 года, а Ростислав — в апреле 1151-го. После этого Андрей и стал старшим среди наследников Юрия Долгорукого.

Всего у Юрия было одиннадцать сыновей. Старшие, и в их числе Андрей, появились на свет в первом браке; их матерью была половецкая княжна, дочь половецкого хана Аепы Осенева («Аепина дочь, Осенева внука», как называет её летописец). Помимо Ростислава, Ивана и Андрея она принесла мужу ещё четверых сыновей — Бориса, Глеба, Ярослава и Святослава. Последний родился больным и в течение всей своей жизни оставался недееспособным; «от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болезнь зла, — сообщает о нём суздальский летописец, — ...не да бо ему Бог княжити на земли». Не позднее 1136/37 года — надо полагать, после смерти половчанки — Юрий женился во второй раз, но на ком именно, в точности неизвестно. Обычно считают, что второй женой князя стала византийская принцесса, принадлежавшая к правящему в Империи роду Комнинов. И хотя мнение это зиждется не на показаниях источников, а на чисто логических допущениях, оно представляется более или менее вероятным. Наверное, не случайно после смерти мужа, изгнанная пасынком из Суздальской земли вместе со своими родными сыновьями, Андреева мачеха найдёт убежище не где-нибудь, а в Византии, и её сыновья будут обласканы императором Мануилом.